

COVENANT & CONVERSATION

ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ

Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьенн была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

Когда истину приносят в жертву ради власти

« Корах »

Что преступного сделали Корах и его сотоварищи по мятежу? На первый взгляд их заявления были и правдивыми, и принципиальными. «Полно вам! — сказали они, обращаясь к Моше и Аарону. — В этой общине все святы, и среди них — Г-сподь! Отчего же вы возносите над общиной Г-спода?»

Их аргумент не лишен смысла. Ранее Б-г призвал народ стать «царством священников и святым народом» (Шмот, 19:6), то есть царством, где каждый житель в каком-то смысле священник, и народом, каждый представитель которого свят. Моше самолично сказал: «О, если бы все в народе Г-спода были пророками, лишь бы Г-сподь послал на них дух Свой!» (Бемидбар, 11:29).

Это настроения в духе радикального эгалитаризма. Почему же существовала иерархия, в которой Моше был лидером, а Аарон — первосвященником?

Итак, что преступного было в действиях Кораха?

Дело в том, что даже в самом начале событий было очевидно, что Корах двуличен. Были явные нестыковки между тем, чего он хотел на словах, и его истинными целями. Корах не стремился построить общество, где все имели бы одинаковый статус и каждый человек был бы священником. Корах только на словах был кем-то вроде анархиста-утописта — борцом за полное упразднение всех иерархий. Он просто оспаривал власть лидера. Из того, что позднее сказал ему Моше, следует: Корах сам хотел стать первосвященником. Он приходился двоюродным братом Моше и Аарону: его отец Ицар был братом Амрама, отца Моше и Аарона. Ему представлялось несправедливым, что оба главных поста получили члены одного семейства из их клана. Он уверял, что хочет равенства. В действительности он хотел власти.

Вот что можно сказать о Корахе, потомке Леви. Но в тот миг происходило нечто более сложное. В событиях участвовали еще две группы — потомки Реувена Датан и Авирам, а также «двести пятьдесят человек, вождей общины, представителей собрания, людей известных». У этих людей были свои поводы обижаться. Потомки Реувена обижались оттого, что не получили руководящих ролей, хотя были потомками первенца Яакова. По истолкованию Ибн-Эзры, 250 «вождей общины» остались недовольны тем, что после греха с золотым тельцом лидерские должности, которые принадлежали первенцам в каждом роду, передали представителям одного-единственного рода Леви.

Их альянс ни в коей мере не был «священным союзом», он был обречен на неудачу, так как устремления его членов входили в противоречие между собой. Если бы Корах удовлетворил свои амбиции, сделавшись первосвященником, надежды потомков Реувена и «вождей общины» рассеялись бы. Если бы потомки Реувена победили, надежды Кораха и «вождей общины» рассеялись бы. Если бы «вожди общины» удовлетворили свои амбиции, Корах и потомки Реувена остались бы не удовлетворены результатом.

Нестройное, обрывочное описание последовательности событий в этой главе — тот случай, когда форма соответствует содержанию. Мятеж тоже был нестройный, путаный, а его главных действующих лиц объединяло лишь одно — желание свергнуть руководство.

Однако ничто из вышеописанного не нарушило душевный покой Моше. Его разгневало совершенно другое — слова Датана и Авирама: «Мало тебе, что ты вывел нас из земли, которая источает молоко и мед, чтобы погубить нас в пустыне, — ты хочешь еще и властвовать над нами? В землю, которая источает молоко и мед, ты нас не привел, не дал нам ни участка в поле, ни виноградника. Этим людям ты глаза не выколешь, [они все видят]! Нет, мы не придем!» Откровенная лживость их утверждений (Египет, где сыны Израиля томились в рабстве и молили Б-га о спасении, не был «землей, которая источает молоко и мед») в конце концов пробудила в Моше гнев.

Что здесь происходит? Мудрецы сформулировали это в одном из своих знаменитых утверждений: «Всякий спор во Имя Небес в конце принесет пользу, а не во Имя Небес — в конце пользы не принесет. Что такое спор во имя Небес? Это спор между Гилелем и Шамаем. А не во имя Небес? Это спор Кораха и его сообщников»¹ (Авот, 5:17).

Раввины не стали делать из мятежа Кораха вывод, будто спорить нехорошо, будто лидерам полагается беспрекословно повиноваться, будто высшей ценностью в иудаизме должна быть покорность (а в некоторых религиях она действительно является высшей ценностью). Напротив, спор — источник жизненной силы иудаизма при условии, что мотивы для спора нравственно чисты, а цели — конструктивны.

Иудаизм — уникальное явление: в этой цивилизации все канонические тексты — это антологии споров. В Танахе Авраам, Моше, Ирмеяу, Иов ведут споры с Б-гом. Мидраш исходит из предпосылки, что у Торы есть «семьдесят лиц» — семьдесят признанных

¹ Мишна. Раздел Незикин (Ущерб). М.: Книжники; Лехаим, 2013. Т. IV. С. 728.

истолкований. Мишна строится в основном по модели «рабби Икс говорит то-то, а рабби Игрек — то-то». Талмуд вовсе не разрешает эти споры, а обычно лишь существенно углубляет. В иудаизме спор — священная деятельность, продолжающийся внутренний диалог еврейского народа, размышляющего о закономерностях своего предназначения и требованиях, налагаемых его верой.

Чем же отличался спор, затеянный Корахом и его сообщниками, от спора между школами Гилеля и Шама? Рабейну Йона дает простое объяснение. Спор во Имя Небес — это спор об истине. Спор, который ведут не во Имя Небес, — спор о власти. Разница колоссальная. Если я спорю во имя истины и побеждаю в споре, это значит, что я победил. А если терплю поражение, это тоже значит, что я победил, поскольку поражение от истины — единственный случай, когда поражение в то же время и победа. Я расту над собой. Я узнаю то, чего не знал раньше.

Когда идет борьба за власть и я терплю поражение, это значит, что я потерпел поражение. А если побеждаю, то заодно терплю поражение, поскольку, разгромив противника, я заодно разгромил сам себя. Моше не мог бы получить более решительного подтверждения своей правоты, чем чудо, о котором попросил, чудо, которое было ему ниспослано: земля раскрыла свой зев и поглотила противников Моше. Однако это событие не только не положило конец спору, но и пошатнуло уважение к Моше: «На следующий день вся община сынов Израиля возроптала против Моше и Аарона, говоря [им]: “Вы умертвили народ Г-спода!”» (Бемидбар, 17: 6). Тот факт, что Моше пришлось применить силу, уже означал: ситуация заставила его опуститься до уровня мятежников. Вот что происходит, когда на кон в споре поставлена не истина, а власть.

Отголосок марксизма, сохранившийся в таких течениях, как постмодернизм и постколониализм, — идея, что никакой истины не существует, а есть только власть. Дескать, преобладающий в том или ином обществе «дискурс» отражает не реальный порядок вещей, а тот, который желанен правящей силе (гегемону). Любая реальность — плод «социального конструирования», а конструируют ее в интересах той или иной группы.

В результате возникла «герменевтика подозрительности»: этот подход означает, что мы перестаем слушать слова кого бы то ни было и лишь спрашиваем: «Чьи интересы он старается протолкнуть?» Сторонники этого подхода говорят, что истина — всего лишь личина, под которой скрывается погоня за властью. Чтобы свергнуть «колониальную» власть, вам понадобится изобрести свой «дискурс», свой «нарратив», причем неважно, правдивый или лживый. Главное, чтобы люди ему поверили.

Именно это имеет место в содержании антиизраильской кампании в университетах разных стран мира, и особенно в рядах движения BDS². Подобно мятежу Кораха, оно объединяет людей, между которыми в остальном нет ничего общего. Среди них есть как ультралевые, так и ультраправые, попадают антиглобалисты, а некоторые искренне

² Глобальная политическая кампания и общественное движение, призывающее к экономическому и политическому давлению на Израиль с целью прекращения им действий, характеризующихся нарушениями международного права. — *Примеч. перев.*

сочувствуют невзгодам палестинцев. Но у руля стоят люди, которые по теологическим и политическим соображениям настроены против существования Израиля в каких бы то ни было границах, а также, столь же пламенно, настроены против демократии, свободы слова, свободы информации, свободы вероисповедания, прав человека и идеи священности человеческой жизни. Кое-что общее между ними есть: они отказываются выслушать сторонников Израиля и тем самым попирают основополагающий принцип правосудия, который в римском праве звучит так: *aude alteram partem* («выслушай другую сторону»).

Чудовищная ложь, которую распространяет это движение (утверждения, что «Израиль не был родиной еврейского народа», что «в Иерусалиме никогда не было Храма», что «Израиль — колониальная держава, чужестранное семя, пересаженное на Ближний Восток»), ничем не уступает утверждениям Датана и Авирама, что Египет был «землей, источающей молоко и мед», а Моше вывел из Египта народ только для того, чтобы «уморить в пустыне». Зачем утруждать себя выяснением истины, когда ничего не важно, кроме власти? Итак, дух Кораха продолжает жить.

Все это очень печально, так как противоречит фундаментальному принципу университетской жизни, гласящему, что университет — площадка для совместных поисков истины. Также все это вряд ли приближает установление мира на Ближнем Востоке и вряд ли способствует лучшему будущему для палестинцев, свободе, демократии, свободе вероисповедания и правам человека. На кон поставлены реальные, существенные проблемы, и обе стороны должны взглянуть им в лицо честно и храбро. Но если приносить истину в жертву погоне за властью — столетие за столетием выбирая путь Кораха, — это ровно ничего не даст.